

Казакхстанская

Трасса 12

«И дольше века...»

«У меня есть две национальные святыни, с которыми я еду в другие страны, с которыми я переступаю порог других народов. Это – «Манас» и Мухтар Ауэзов», – писал Чингиз Айтматов.

Только озеро Иссык-Куль и снежные вершины Тянь-Шаня могли породить великий миф о Манасе Великодушном, его сыне Семетее, внуке Сейтеке, жене Манаса Каныкей и матери Чийырды.

Вселенную Манаса впервые открыл и записал фрагменты для России и Европы Чокан Валиханов. Великий эпос, насчитывающий свыше миллиона поэтических строк, был сохранен великой памятью народа. Еще в далекой молодости эпосом «Манас» был пленен гений казахской словесности Мухтар Омарханович Ауэзов, написав об этом ряд научных статей. А в начале 50-х годов прошлого столетия он буквально защитил великий эпос, выступая в тогдашнем Фрунзе на научно-теоретической конференции, где решалась судьба кыргызской «Илиады». Это общеизвестный факт в истории литературы советского периода.

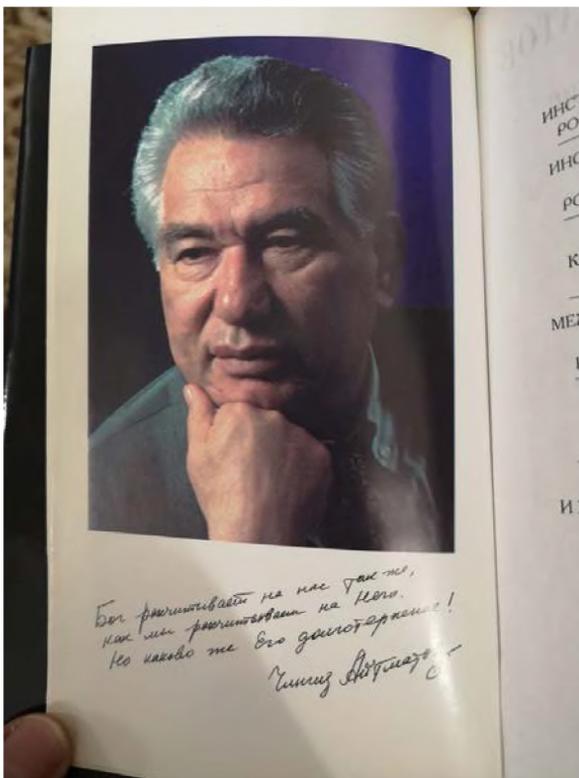
«Мухтар Ауэзов для меня не некая академическая величина и не просто самый великий художник среди лично известных, а человек, проявлявший по отношению ко мне отеческую заботу», – писал в статье «Слово об Учителе» Чингиз Айтматов.

Фольклор тюркских народов, в данном случае наших, близких по духу, братских народов, из века в век был насыщен животным миром. От мудрой мыши до благородных волка, коня и верблюда. Чингиз Айтматов, вспоминая мотив известного эпоса «Коджоджаш», подчеркивал, что еще в древности человек предостерегал себя от неразумного отношения к природе. И здесь необходимо сказать об океане тенгрианской мифологии, где сама природа, сам ландшафт Иссык-Куля выступает главенствующим началом всего сущего, а человек является неотъемлемой частью этой гармонии мира. И во всем этом есть «откровение Божие», стержень духовной организации и основа самой исторической памяти кочевых народов Евразии.

Жрецы Тенгри высекали на поверхности камня сюжеты ритуалов и таинств космических мистерий, а рунами – деяния героев, затем свои знания они закрепляли на орнаменте войлока, но самой вечной книгой оказалась память человека, наделенная энергией поэтического и музыкального творчества, которая была доведена до совершенства. Кочевники-тюрки, казахи и кыргызы, последние носители тенгрианской веры, изумляли ориенталистов XIX века, по словам Чокана Валиханова, «...удивительной памятью импровизаторов, через которую все древние поэмы... сохранились без искажения... Но еще удивительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении буквально тождественны, как списки одной рукописи...»

Такая невероятная точность известных источников, когда произведения выливаются из уст всего народа как от лица одного существа, предполагает непрерывающиеся традиции, существование в среде кочевников особой группы людей, передающих эти предания из аула в аул, из поколения в поколение. Адепты тенгрианства знали методы развития возможностей человека, выходящие за рамки обычных представлений. И это касается не только воздействия музыки и поэтического слога на формирование мощного объема памяти, но и открытия всех уникальных свойств кодов человека, изначально заложенных в нем.

Испытываешь неподдельную радость души и творчества, когда находишь в братском тюркском фольклоре схожие темы и имена, а значит, и многовековое родство.

Батыр Олжабай, хан кыпчаков, и его возлюбленная Кишимджан, аил Торун-Айгыр, дорога в Джийдели... Во всем этом я вижу и образы батыра Олжабая, предка поэта Олжаса, казахскую «землю обетованную» – «Жидели Байсын», древнее озеро Торайгыр вблизи Баян-Аула. Конечно же, в силу своей гениальности прав предок Чокан, когда он говорит о фольклорной памяти тюркского народа.

Неистребимый дух фольклора витает над великим озером Иссык-Куль. Дух Манаса Великодушного, его сына Семетея, его внука Сейтека оберегали в нелегком путешествии в

Кашгар Чокана Валиханова, когда он в образе купца Алимбая переходил перевалы Барскоона, а там дальше Кашгар, а еще дальше – Мын уй, Долина тысячи Будд, а еще дальше – Тибет, где есть озеро Тэнгри-Нур, родственное по духу, сказаниям и самой сути тенгрианства Иссык-Кулю.

Там же, у подножья Эвереста, есть селение со знаковым названием Тингри. Допускаю гипотезу, что оттуда, из Тибета, берут свои начала предрелигиозные основы нашего многовекового бытия, наполненные светом тенгрианства.

Вот уже сорок лет я бываю в этих фольклорных краях Иссык-Куля. В первые годы не постоянно, а последние десять лет каждое лето, июль-август, я посещаю эти святые места. Благодарен судьбе и озеру, что здесь «легко и свободно дышится», благодарен, что здесь я имею истинных друзей и товарищей, благодарен, что хорошо пишется на южном берегу святого озера. Благодарен Чингизу Айтматову – основателю Иссык-Кульского форума интеллектуалов мира.

И каждый раз, когда бываю в Тамге, иду пешком к ритуальному камню, где буддийскими монахами выбита надпись во славу лотоса. Но однажды, переходя горную речку, я сильно поранил ногу (прошло несколько лет, а след от раны до сих пор есть на правой голени). Пришлось вернуться и перевязать рану в сторожке лесника. Но буддийский камень манил меня, ибо я в каждый свой приезд в Тамгу

совершал это свое восхождение. Через день, когда боль слегка отпустила, я вновь решил пойти к нему, упросив местного художника и учителя Ису Манапбаева, чтобы он дал коня.

И вот на двух иноходцах мы с младшим сыном учителя отправились в путь. Поклонились не только главному камню, но и двум другим, расположенным к югу и к северу от него на одинаковом расстоянии – 3–4 километра.

Назад возвращались той же тропой, дважды переходя вброд горную речку Тамгу. И здесь случилось, на мой взгляд, невероятное. Проходя по дороге, ведущей к старому яблоневому саду, моя лошадь буквально на ровном месте сильно поранила заднюю правую ногу, изодрав до кости об острый рваный край металлической трубы, через которую протекал придорожный арык.

Сын учителя дал мне своего коня, а сам пешком повел на поводу прихрамывающую лошадь...

Казалось бы, что самый заурядный случай: лошадь поранила ногу. Но это с точки зрения обывателя. А если взглянуть на произошедшее «путем богов Будды», то можно прийти к выводу, что умное животное-жануар приняло на себя мою боль и мое страдание – во имя благополучного моего восхождения к святому камню.

Если следовать бессмертному духу фольклора, то лошадь, приняв на себя чужую боль, навеки оставляет образ своего благородства в памяти человека.

Я потом, чувствуя свою некую вину, не раз ее навещал вместе с Исой, когда зоотехник, обработав рану, пустил беднягу без упряжи на лужок вблизи горной речки, сказав, что рана сама по себе заживет, лишь бы лошадь находилась неделю-другую на воле одна, среди разнотравья ущелья.

* * *

Ритуальный камень с изображением лотоса и с надписью «Ом! Мани падме хум» («Лотос – драгоценность жизни») находится в нескольких километрах от аила Тамга. словно бы мифической небесной молнией рассечен этот священный камень надвое.

Аналогичные камни, правда меньших размеров, с изображением Будды и более ранних спиралевых солнечных линий, есть и в Барскоонском ущелье, и в Тамгинском. А также и в Казахстане – за Капчагаем и недалеко от Текели. Говорят, что такие камни были и в районе Тюре-Тама, вблизи космодрома Байконур.

На мой взгляд, эти камни должны образовывать равновеликие треугольники.

Как знать...

* * *

У казахов как-то принято больше гордиться своими племянниками, нежели сыновьями. Видимо, природная мудрость склонна считать, чтобы сыновьями гордились не родители, а многочисленные родственники. Это одна из воспитательных сторон многовекового уклада жизни кочевого народа, перешедшая сквозь века в семейный кодекс нашей действительности.

И я горжусь своими племянниками. Бывая по писательским делам в Москве, я один-два вечера уделял им, тогда еще студентам московских вузов. Один, Мади, ныне ответработник Госдумы России, а другой, Чингиз, с отличием окончивший МГИМО, профессиональный дипломат. Они, будучи студентами, узнав о моем приезде, сами находили меня в московской гостинице, и, видя в их глазах радость встречи (родной дядя из Алма-Аты приехал!), я вел их ужинать в Центральный дом литераторов или все вместе шли в театр «Ленком», а иногда и на Таганку.

В один из таких приездов, когда в Москве впервые проводился Международный конгресс ПЕН-клуба, я повез племянников в Переделкино. Мои студенты быстро нашли общий язык с именитыми писателями и поэтами, благо хорошо изъяснялись не только на русском, но и на английском, немецком и французском. Среди участников конгресса были Гюнтер Грасс, Омеро Ариджис, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Юз Алешковский, Андрей Битов, Виктор Ерофеев, мои близкие по духу и сердцу друзья-поэты Сергей Мнацаканян и Александр Ткаченко.

Разумеется, приехал из Бельгии или Люксембурга и Чингиз Айтматов. Он тут же дал интервью английским и французским журналистам, и помогал ему в этом в качестве переводчика-синхрониста мой племянник Чингиз. Чингиз-ага, видя, как заинтересованно спрашивают его журналисты и остаются довольными обстоятельными ответами, по-английски и по-французски озвученными будущим дипломатом, с веселой мудростью изрек:

– Впервые Чингиза переводит Чингиз!

– Это не художественный перевод, а синхронный, – уточнил я, тем самым подчеркивая разницу между переводом книг писателя и его беседой с иностранными журналистами.

– Нет, это лучше, чем художественный перевод, – продолжал шутить Чингиз-ага.

– Моего племянника в честь Вас назвали Чингизом, – в тон его шутке ответил я.

– Я знаю и понимаю, в честь кого назвали моего переводчика, – серьезно ответил Мастер и тем самым показал, что он прочел мои книги «Ұстаз» и «Тағылым».

Я хотел сказать, что имя писателя Чингиз и имя его отца Торекул – звенья одной фамильной цепи, но промолчал...

А в 2001 году в Алма-Ате впервые была проведена ставшая уже традиционной международная книжная ярмарка «По Великому шелковому пути», бессменным организатором и вдохновителем которой являлась президент книжной ассоциации, книгоиздатель Элеонора Ныгметовна Баталова. Я, как вице-президент этой общественной организации, помогал ей. Ну а какая ярмарка, тем более с таким названием, обходится без музыки и танцев? Юные танцовщицы Малика Спатаева и Акмарал Утебаева в восточных нарядах исполняли казахские, узбекские, индийские танцы, вызывая улыбки и восхищение у серьезных участников и посетителей книжной ярмарки: писателей, поэтов, критиков из ближнего и дальнего зарубежья.

А когда мой любимец, первоклассник, юный скрипач, сын младшего брата Ерулана Шернияз без чьей-либо подсказки вышел в своем

изящном костюмчике с бабочкой навстречу идущему Чингизу Айтматову и стал играть, выводя только ему подвластную мелодию, писатель с мировым именем расчувствовался, обнял юного музыканта и не раздумывая подписал на первом томе своего семитомника «Выдающемуся скрипачу Шерниязу!».

И эта надпись Мастера стала пророческой. Ныне, спустя много лет, скрипач Шернияз Мусахан – лауреат Государственной премии «Дарын» и независимой премии «Тарлан», лауреат Международного конкурса им. Д. Ойстраха, лауреат знаменитого Международного конкурса им. Г. Венявского в Люблине (Польша). Сам великий маэстро Владимир Спиваков от имени ЮНЕСКО подарил Шерниязу скрипку, следуя ритуалу знаменитых скрипачей, завернув ее в свое кашне.

Шернияз Мусахан окончил музыкальную школу при Московской консерватории, а затем поступил в консерваторию в Лозанне и окончил ее по классу профессора П. Верникова. Но он всегда помнит ту самую книжную ярмарку, на которой мудрый Чингиз-ага дал высокую оценку молодому таланту. Разумеется, с определенным авансом. Этот аванс Шернияз полностью оправдал и оправдывает своим трудом и усердием.

На этой же книжной ярмарке мы провели «круглый стол» «Писатель и книга в XXI веке», где Чингиз Айтматов был почетным председателем.

* * *

Чингиз Айтматов вспоминал, как в далекой молодости, после окончания сельхозинститута он работал зоотехником племенного хозяйства Кыргызского научно-исследовательского института животноводства. Чтобы повысить удои молока, молодой зоотехник решил осуществить один смелый проект.

«Суть моей задумки заключалась в том, чтобы попытаться скрестить наших яков и заокеанских животных с острова Джерс, чтобы вывести новую высокопродуктивную породу, – пишет Чингиз-ага. – Мое обращение к руководству института получило понимание и поддержку. Я отправился в Ленинград, а оттуда в Гатчину, которая до революции была резиденцией русских царей. Во время Второй мировой войны почти весь племенной скот был привезен в Гатчину, откуда потом и отправлялся в разные страны.

Бык той породы, которую я собирался приобрести, должен был адаптироваться к суровым условиям высокогорья. Ведь наши яки живут высоко в горах среди вечных льдов и снегов. Одна из целей задуманного мной эксперимента состояла как в повышении продуктивности молока, так и его жирности.

Яки живут только в Кыргызстане, Таджикистане и Афганистане. Самый большой их недостаток – мало дают молока.

Погрузив в Гатчине быка из Джерси в специально оборудованный для перевозки скота вагон, я пустился в обратный путь. Через десять дней состав наш прибыл на станцию Джамбула. Нас там встретили, погрузили быка на автомобиль и довели до фермы. Но теперь для проведения эксперимента нужно было привезти сюда, на равнину, 10–15 самок яков. На двух грузовиках мы отправились на Тянь-Шань. В те далекие времена дорога до высокогорного Нарына была особенно трудной, перевал Долон с его крутыми серпантинами был опасен. Это сейчас трасса вся покрыта асфальтом, и ездить по ней одно удовольствие.

Именно тогда на этой дороге я впервые увидел большегрузный автомобиль с прицепом, который шел в Китай.

Поскольку дорога была дальняя, мы заночевали на перевале. Гостиница была ветхой, видно, в свое время ее наспех построили для дорожных строителей. Хмурая, рано постаревшая женщина молча засветила керосиновую лампу и стала стелить нам постели.

В большой комнате стояло несколько незанятых кроватей с продавленными сетками. В углу о чем-то бубнили два сильно пьяных шофера. Моя кровать оказалась рядом с ними, и поэтому мне волей-неволей пришлось слушать их разговор по душам. Один из них, кстати, и оказался водителем машины с прицепом.

– ...Именно на самой вершине этого перевала и живет моя любовь. Но она даже не смотрит в мою сторону, сильно я обидел ее, – жаловался своему соседу по дорожной гостинице водитель грузовика с прицепом.

Еще долго я не мог уснуть, невольно слушая эту пьяную исповедь о грустной и вместе с тем поучительной истории об утерянной любви.

Вот как часто бывает: случайная дорожная встреча подарила мне невольное знакомство с судьбой – историю, которая вылилась в повесть «Тополек мой в красной косынке».

А если вернуться к якам, то, образно говоря, они являются единственным связующим звеном, и по мифу, и по реальной жизни, Иссык-Куля с Тибетом.

Слово «топаз», так кличут яка по-кыргызски, имеет противоположный смысл среди казахов вопреки тому, что это животное умнейшее, ибо оно стремится к горной высоте. Животное-труженик, во влажных глазах которого таится смысл жизни сыртов, а также многовековая мудрость высокогорных переходов из Тибета сюда, на берега Иссык-Куля, и обратно в Китай.

Скучаю по ним, и каждое лето спешу на высокогорный перевал и сырты, чтобы застать их вновь, угрюмо идущих по высокогорной тропе, держащих широко раскинутыми рогами солнце-светило во славу этого божественного края.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ, поэт, лауреат государственной премии им. абая

Продолжение. Начало в номере «КП» за 07.04.2023 г.